
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК НАУКА. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ

УДК 82.091 + 801.733

DOI: 10.31249/lit/2025.04.01

МИРОЛЮБОВ И.А.¹ МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА ТИРАНА В ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ©

Аннотация. Термином «тиран», которым обозначались единичные правители-законодатели древнегреческих городов, уже в древности стали обозначать жестоких правителей. Авторитарный характер режимов некоторых греческих тиранов вкупе с личными качествами способствовал тому, что в античной литературе сформировался негативный образ тирана. Одной из характерных черт тирана было одиночество – в политической деятельности и в жизни. Мотив одиночества тирана оказался востребован и древнеримскими авторами, которые разрабатывали его в жизнеописаниях императоров. В статье приводятся несколько вариаций этого мотива: одиночество политическое, одиночество как образ жизни, одиночество за столом (как отражение отдельных сторон режима императора-тирана) и мучительное одиночество, которое символизирует итог правления и жизни императора-тирана.

Ключевые слова: Светоний; Тацит; Кассий Дион; Лактанций; История августов; древнеримская проза; древнеримская историография.

Для цитирования: Миролюбов И.А. Мотив одиночества тирана в жизнеописаниях римских императоров // Социальные и гуманитарные

---

¹ **Миролюбов Иван Андреевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»; peter-herzog@yandex.ru

© Миролюбов И.А., 2025

науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2025. – № 4. – С. 9–28. – DOI: 10.31249/lit/2025.04.01

Поступила: 30.06.2025

Принята к печати: 31.07.2025

MIROLYUBOV I.A.¹ The motif of the tyrant's loneliness in the biographies of Roman emperors©

Abstract. The term “tyrant”, which was used to denote the sole rulers-legislators of ancient Greek cities, began to denote cruel rulers in ancient times. The authoritarian nature of the regimes of some Greek tyrants, coupled with their personal qualities, contributed to the formation of a negative image of the tyrant in ancient literature. One of the characteristic features of the tyrant was loneliness – in political activity and in life. The motif of the tyrant's loneliness was also in demand by ancient Roman authors, who developed it in the biographies of emperors. The article provides several variations of this motif: political loneliness, loneliness as a way of life, loneliness at the table (as a reflection of certain aspects of the regime of the tyrant emperor) and painful loneliness, which symbolizes the result of the reign and life of the tyrant emperor.

Keywords: Suetonius; Tacitus; Cassius Dio; Lactantius; Historia Augusta; ancient Roman prose; ancient Roman historiography.

To cite this article: Miroyubov, Ivan A. “The motif of the tyrant's loneliness in the biographies of Roman emperors” , Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 4, 2025, pp. 9–28. DOI: 10.31249/lit/2025.04.01 (In Russian)

Received: 30.06.2025

Accepted: 31.07.2025

Среди представителей древнеримской прозы едва ли не первое место принадлежит историкам, которые не ограничивались сухим анализом фактов прошлого, но обращались также к разрешению моральных вопросов и имели воспитательную цель. Это, в свою очередь, позволяет говорить об историописании в Древнем Риме не столько как об отрасли научного знания, сколько о творческой деятельности. Жанры исторической прозы, в том числе дошедшей до нас и доступной для изучения, весьма многообразны.

---

¹ **Miroyubov Ivan Andreyevich** – Candidate in History, associate professor, Chamber of History, National Research Nuclear University MEPHI; peterherzog@yandex.ru

© Miroyubov I.A., 2025

Дидактическое значение историописания определило интерес римлян к отдельным фигурам прошлого, что нашло отражение в биографическом жанре [Альбрехт, 2003–2005, т. 1, с. 413], который ко временам «золотого века» древнеримской литературы (рубеж эр) представляется уже вполне разработанным и популярным – как у авторов, так и у читателей. С переходом Римского государства к той политической модели, которую принято в исторической науке обозначать термином «империя», возникает новое направление в рамках этого жанра – жизнеописания императоров. До нас дошло несколько крупных литературных памятников, представляющих это направление: «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла (начало II в.) и анонимный сборник биографий правителей II–III вв. под условным названием *Historia Augusta* (далее – HA), т.е. «История августов» (рубеж IV–V в.). Впрочем, императорские биографии являются основой и для тех авторов, которые создавали пространственные истории Римского государства (например, Корнелий Тацит, Кассий Дион, Аммиан Марцеллин и др.) [Бокщанин, 1981, с. 94–113]. Отметим, что для римлян было свойственно разделять своих императоров на «хороших» и «плохих», в зависимости от соответствия их определенному поведенческому кодексу, в основе которого лежало уважение (или неуважение) к «свободе римского народа»¹. Парифразируя известную максиму Л.Н. Толстого о семьях, можно сказать, что все «хорошие» императоры были похожи друг на друга, т.к. соответствовали одному образцу, тогда как все «плохие» императоры были плохи по-своему. Во второй категории мы встречаем как вполне эффективных, но жестких (и даже жестоких) управленцев, так и сумасбродов, в силу своей непригодности к управлению государством передающих власть корыстным временщикам. И в том и в другом случае, впрочем, стиль управления «плохих» императоров характеризовался как порочный, так как его отличали своеволие и жестокость или самого императора, или его окружения. Для обозначения «плохих» императоров римляне часто использовали термин «тиран».

---

¹ О добродетелях императора см.: [Wallace-Hadrill, 1981]. Мы постарались разобрать поведенческий кодекс императора применительно к IV в. в своей статье: [Миролубов, 2024с, с. 348–343]. Император воспринимался как первый гражданин; даже усвоение поздними императорами титула «господин» не превратило римлян («римских граждан») в подданных.

«Тиранами» первоначально именовались древнегреческие правители VIII–VI вв. до н.э., перехватившие власть из рук родовой аристократии в интересах широких слоев населения государства Древней Греции. Среди древнейших тиранов мы встречаем мудрых законодателей и покровителей искусств. «Демократический» характер режимов некоторых тиранов греческой древности не мешал им, впрочем, заботиться о сохранении власти в руках своих и членов своих семей, что иногда приводило к ужесточению стиля правления. Этим, собственно, и объясняется негативное содержание термина «тирания», которое к тому же иллюстрировалось качествами отдельных правителей. В более поздние периоды греческой истории социально-политическая сущность тиранических режимов менялась в негативную сторону, так что тираны V–IV вв. – по большей части деспотичные правители, опирающиеся на военную силу¹. Этим, собственно, и объясняется, почему к IV в. до н.э. тирания воспринималась в рамках греческой политической мысли как явление негативное, что видно на примере анализа этого политического строя у философа Платона в его классическом произведении «Государство». Анализируя тиранию, философ, среди прочего, обращает внимание одиночество тирана: в результате притеснений как против своих противников, так и сторонников, которые рано или поздно вызовут подозрения тирана, рядом с ним «в конце концов не останется никого ни из друзей, ни из врагов, кто бы на что-то годился» (Res publ. VIII.567b, здесь и далее перевод А.Н. Егунова по изданию: [Платон, 1994, т. 3, с. 356]²). Усиливая этот мотив одиночества, Платон окружает тирана «толпой негодяев» (наемников и получивших волю рабов), которые верны тирану лишь по причине выгоды (Res publ. VIII.567–568; [Платон, 1994, т. 3, с. 357–358]). Тезисы Платона были многократно проиллюстрированы древними авторами. Большое количество анекдотических сюжетов на эту тему мы находим у известного собирателя такого рода занимательных фактов – историка и философа

---

¹ Обзор истории тирании: [Фролов, 1972; Берве, 1997; Фролов, 2001, с. 65–468].

² Здесь и далее, кроме данных издания русского перевода, который цитируем, приводим ссылки на произведения античных авторов в соответствии с принципами их издания (сокращенное название на латинском языке; книга (том), глава / параграф). Это позволит интересующемуся читателю найти цитируемый фрагмент по любому современному изданию оригинального текста античного произведения.

Плутарха. Правитель Сиракуз Дионисий, чье правление признавалось в античной литературе одной из наиболее значимых иллюстраций деспотизма, изображен у этого автора упрекающим сына: «Столько застольного добра получил ты от меня, и за все это не приобрел ни единого друга!» (Reg. et imp. apophth. 20.4; перевод М.Л. Гаспарова по изданию: [Плутарх, 1990, с. 344–345]). Сюжет явно иллюстрирует отсутствие у тирана настоящих друзей, роль которых играют наемники, прельщаемые дорогими подарками (в данном случае – столовой посудой из драгоценных металлов, которая была в древности атрибутом высокого социального статуса). Красочно описывает Плутарх одиночество правителя Аргоса Ариштиппа: «...всех слуг, как только заканчивался обед, он немедленно выгонял вон, замыкал внутренние покои и вместе со своею возлюбленной укрывался в маленькой комнатке верхнего этажа с опускаемой дверью в полу. На эту дверь он ставил кровать и спал – насколько, разумеется, способен уснуть и спать человек в таком состоянии духа, одержимый тревогою и отчаянным страхом. Лестницу мать любовницы уносила и запирала в другой комнате, а утром приставляла снова и звала этого удивительного тирана, который выползал из своего убежища, словно змея из норы» (Arat. 26; перевод С.П. Маркиша по изданию: [Плутарх, 1964а, т. 3, с. 384]). Интересно, что в другом сочинении Плутарх приписывает столь оригинальную манеру ночного отдыха другому тирану: «Аристомем, тиранн Аргоса, поставил свое ложе в верхнем покое над люком и спал там с гетерой, причем мать этой гетеры на ночь потихоньку убирала снизу лесенку, а утром снова притаскивала ее и подставляла» (Ad princ. inerudit. 4; перевод С.С. Аверинцева по изданию: [Плутарх, 1964b, с. 71]). Обратим внимание, что здесь спутница тирана названа гетерой, т.е. это публичная женщина, пребывающая с тираном за деньги, а отнюдь не из добрых чувств к нему. Эта деталь существенно усиливает эффект одиночества тирана. Стереотипность сюжета, героем которого выступает то один тиран, то другой, указывает на существовавший в античной литературе схематизм при описании нрава тирана вообще.

Таким образом, образ тирана ко временам становления жанра императорской биографии в Древнем Риме был уже достаточно проработан; несомненно, что греческий фон должен был отразиться и на этом литературном направлении [Берве, 1997, с. 601–608]. Одиночество проявилось в характерах императоров, причем грани этого свойства тиранов весьма разнообразны.

Одиночество как стиль правления

«Хорошего» императора в представлении римлян отличало отношение к государству как к общему делу, собственно *res publica*. Наиболее емко этот принцип выразил император Адриан (правил в 117–138 гг.): «И на сходках (военных. – *И. М.*), и в сенате он часто говорил, что будет вести государственные дела, не забывая о том, что это – дела народа, а не его собственные» (НА *Nadr.* 8.3; перевод С.Н. Кондратьева по изданию [Властелины Рима, 1992, с. 10]). Вероятно, что этим же принципом объясняется и то, почему члены функционировавшего при императоре совета для обсуждения государственных вопросов и члены императорской свиты фигурируют у древних авторов под названием «друзья» (*amici*) [Crook, 1955, p. 21–30]. Совещание с «друзьями» – важный элемент в образе «хорошего» императора. Биограф Марка Аврелия, одного из наиболее почитаемых римлянами правителей, описывает его отношения со своим советом такой фразой, вложенной в уста самого императора: «Справедливее – мне следовать советам столько опытных друзей, нежели столько столь опытным друзьям повиноваться моей воле, воле одного человека» (НА *M. Anton. Philosoph.* 22.4; [Властелины Рима, 1992, с. 45]). Впрочем, среди императоров мы встречаем немало политических деятелей, тяготевших к авторитарным методам управления; практически все они представлены в древнеримской историографии в отрицательном ключе – как типичные тираны. Наиболее яркий пример такого самовластного деспота – одиозный император Калигула (правил в 37–41 гг.). Его биография принадлежит перу крупнейшего представителя биографического жанра – Светония. Стремясь показать его претензию на единоличную власть, автор помещает своего героя в подходящий контекст (император слушает «местнический» спор зависимых от Рима царей) и вкладывает ему в уста строки из «Илиады» Гомера: «...Единый да будет властитель, / царь да будет единый!» (Suet. *Gaius* 22.1; [Гай Светоний Транквилл, 1990, с. 115]). Эпизод этот, при достаточно небольшом объеме, насыщен подтекстами. Приведенная гомеровская цитата – реплика Одиссея, характеризующая положение Агамемнона, предводителя греческого войска в Троянской войне. Агамемнон был известен своей надменностью¹, каковое качество было присуще и

¹ Столкновение властного Агамемнона и вспыльчивого Ахилла и было сюжетной завязкой «Илиады» Гомера [Тронский, 1988, с. 36]. Впрочем, А.Ф. Ло-

Калигуле. Вместе с тем судьба легендарного греческого героя была трагична: вернувшись из похода домой, он был убит супругой Клитемнестрой и ее любовником Эгисфом [Грейвс, 2014, с. 444–446]. Платон в «Государстве» фиксирует такое предание о его посмертном существовании: «Вследствие перенесенных страданий она (душа Агамемнона. – *И. М.*) тоже неприязненно относилась к человеческому роду и сменила свою жизнь на жизнь орла» (Plat. Res publ. 620b; [Платон, 1994, т. 3, с. 419]). Эти детали, известные образованному читателю Светония, представляют одиночество властителя трагичным; предвосхищают они и участь самого Калигулы, жестоко убитого в результате заговора в 41 г.

Если у Светония «политическое» одиночество тирана Калигулы проиллюстрировано его собственной прямой речью, то у позднеантичного историописателя Аммиана Марцеллина это же качество императора Констанция показано через незначительную, в общем-то, бытовую деталь. Император Констанций (правил в 337–361 гг.) – третий сын императора Константина Великого (правил в 306–337 гг.), чье правление пришлось на время постепенной христианизации Римской империи. Некоторая часть римской элиты, сохраняя приверженность традиционным (языческим) культам, критиковала религиозную политику императоров-христиан, и в этом смысле Констанций, занимавший антиязыческую позицию [Казаков, 2002, с. 143–158], был объектом критики языческих интеллектуалов, одним из которых был и Аммиан¹. Признавая определенные его достоинства как руководителя, этот автор вместе с тем обращает внимание на подозрительность императора и жестокость, что позволяет ему представить Констанция тираном. Рассказывая о визите императора в Рим, автор пишет: «...в течение всего времени своего правления он никогда никого не посадил рядом с собою на колесницу» (Amm. Marc. Res Gest. XVI.10.12; перевод Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни по изданию: [Аммиан Марцеллин, 2005, с. 88]). Образованный читатель Аммиана, несомненно, увидел бы здесь отсылку к нарративу о римском импера-

---

сев оспаривал традиционный взгляд на гомеровского Агамемнона как на человека деспотичного, но при этом отмечает отсутствие симпатии к этому герою Гомера [Лосев, 2006, с. 285–288].

¹ Характеристика этого автора: [Sabbah, 2003, p. 53–84; Альбрехт, 2003–2005, т. 3, с. 1550–1560]. Отметим, вслед за М. фон Альбрехтом, что приверженность Аммиана традиционным культам не способствует его агрессивному настрою в отношении императоров-христиан; в своей критике он достаточно взвешен.

торе Траяне. Историк Кассий Дион, рисуя образ этого «наилучшего» императора¹, обращает внимание на его открытость как для представителей элиты, так и простого народа: «С народом он был приветлив, к сенату относился почтительно <...>. Вместе с другими он принимал участие в охоте и пирах, разделяя их дела, замыслы и веселье. В свою повозку он часто сажал еще троих человек; охотно посещал дома граждан, иногда даже без охраны, и находил в этом удовольствие» (Cass. Dio, Hist. Rom. LXVIII.7.3; перевод А.В. Махлаюка: [Кассий Дион Коккеян, 2011, с. 92]). Та же деталь, только со знаком плюс, наглядно иллюстрирует открытость Траяна, демократичность его поведения; с ее помощью читатель видит единение императора с римским народом. Такая «демократичность», как атрибут «хорошего» императора, резко контрастирует с управленческим стилем надменного монократа Констанция².

Одиночество как образ жизни

Выстраивание монархической модели власти естественным образом способствовало подозрительности тирана, что было отмечено, как указывалось выше, уже Платоном. Будучи одинок на вершине власти, тиран был одинок и в жизни. Мотив этот, как мы видели, был разработан Плутархом: он изображает тирана, довольствующегося на запортом изнутри чердаке обществом публичной женщины, подобным змее, притаившейся в своем логове. Биографии римских императоров, в свою очередь, давали большой простор для раскрытия этой темы. Хронологически первым здесь

---

¹ Траян удостоился от современников эпитета *optimus*, т.е. «наилучший»; в этом смысле он часто выступает у древних авторов как образец достойного правителя [Грант, 1998, с. 94–95].

² Сочинение Аммиана, охватывавшее период 96–378 гг., дошло до нас в неполном виде: изложение начинается лишь с событий 353 г. Однако античный читатель, имея полное произведение, несомненно мог прочесть в нем и про первые дни правления Констанция и двух его братьев, когда, после смерти его отца, были истреблены почти все кузены и дядя новых императоров [Burgess, 2008]. Аммиан придерживался распространенной в древности версии, что инициатором расправы, осуществленной взбунтовавшимся войском, был Констанций; об этом говорит его замечание в дошедшей до нас части его произведения (Amm. Marc. Res Gest. 21.16.8; [Аммиан Марцеллин, 2005, с. 251]). Оба брата Констанция пали в результате междоусобных войн, о чем Аммиан также должен был рассказать. Соответственно, представленное историком одиночество императора приобретало в глазах античного читателя символический характер: единоличной власти Констанций достиг, пройдя кровавый путь.

был Тиберий, второй римский император (правил в 14–37 гг.). Угрюмый и нелюдимый по своей натуре, в 26 г. он покинул Рим, предпочтя уединиться на острове Капри [Грант, 1998, с. 34–35]. В столицу он более не вернулся и до самой смерти в 37 г. поддерживал связь с центральными правительственными учреждениями через послания и представителей. Светоний, верный своей привычке вкладывать в уста правителей характеристику себя самих, понуждает Тиберия назвать себя в послании к сенату «одиноким стариком» (Suet. Tib. 65.1; [Гай Светоний Транквилл, 1990, с. 102]). Как и в случае с гомеровской цитатой в жизнеописании Калигулы, этот незначительный на первый взгляд момент обратил бы на себя внимание античного читателя. Одиночество Тиберия стало результатом планомерного – во всяком случае, с точки зрения древних историков, – истребления членов правящего дома и представителей элиты, вызвавших подозрительность у императора¹. Одиночество это, впрочем, не вызывает у Тиберия дискомфорта: обращение императора к сенату наполнено коварным притворством². Желая показать, что одиночество было вполне по вкусу Тиберию, Светоний предлагает читателю выразительную зарисовку: «У него (т.е. Тиберия. – *И. М.*) была среди других развлечений большая змея; придя однажды, как обычно, покормить ее из своих рук, он нашел ее заеденной муравьями и увидел в этом знак остерегаться насилия черни» (Suet. Tib. 72.2, [Гай Светоний Транквилл, 1990, с. 105]). Одиночество Тиберия, таким образом, хотя и бывшее следствием трагических обстоятельств, представлено здесь как своеобразный залог его долгой жизни и продолжительного правления.

Умение Светония небольшой деталью представить одиночество тирана проявляется еще раз в жизнеописании императора

---

¹ Тиберия обвиняли в смерти его племянника (и наиболее вероятного преемника) Германика; его супруга и два сына, обвиненные в политическом заговоре, были лишены свободы и погибли в заточении. О династической политике Тиберия: [Levick, 1999, p. 148–179].

² Одиночество Тиберия как составная часть его негативного образа в античной литературе является предметом исследовательского интереса: [Frass, 2022]. Стоит отметить, что исследователи не дают Тиберию такой негативной оценки, какую мы встречаем у древних авторов: [Моммзен, 2002, с. 138–164; Егоров, 1985, с. 130–157]. Попытки критически переосмыслить античные сообщения о Тиберии повлияли и на литературный образ императора: так, С.Ю. Макаров в своей исторической пьесе «Мать. Рим. Сын», посвященной императору, представляет его как трагическую фигуру [Макаров, 2022, т. 1, с. 183–222].

Домициана (правил в 86–96 гг.). Рассказывая о его дневном распорядке, автор указывает, что император «до отхода ко сну прогуливался в одиночестве» (Suet. Domit. 21; [Гай Светоний Транквилл, 1990, с. 222]). Эти одинокие прогулки императора не были для античного читателя малозначительным фактом, тем более что и сам Светоний¹, и большинство его читателей должны были помнить правление Домициана. Одиночество во время прогулок было вызвано не стремлением к отдыху, но подозрительностью. Тот же Светоний фиксирует, что стены портиков (колоннад, галерей), где император прогуливался, были отделаны шлифованным мрамором, который позволял ему видеть то, что происходило у него за спиной (Suet. Domit. 14.4; [Гай Светоний Транквилл, 1990, с. 219]). Но ярче всего эту тягу к одиночеству, которое было залогом спокойствия императора, изображает сенатор Плиний Младший, еще один современник императора (и, кстати, знакомый Светония [Альбрехт, 2003–2005, т. 3, с. 1520]): «[Домициан] не мог спокойно переносить плавание по тихому Албанскому озеру и даже по зашнувавшему в тишине Байанскому, не мог слышать ни удара, ни всплеска весел без того, чтобы каждый раз не содрогаться в постыдном страхе. Изолированный от всех звуков и предохраненный от всех толчков, он, находясь в полной неподвижности, ездил на корабле, крепко привязанном к другому кораблю, точно это везли какую-нибудь искупительную жертву. Позорное это было зрелище, когда повелитель римского народа следовал за другим судном, подчинялся другому кормчему, точно корабль его был захвачен в плен неприятелем» (Plin. Min. Paneg. 82; перевод В.С. Соколова по изданию: [Плиний Младший, 1950, с. 441]). Противопоставляя Домициана «наилучшему» императору Траяну, Плиний также говорит о том, что второй сделал доступным для взоров свою ложу в цирке (Plin. Min. Paneg. 51; [Плиний Младший, 1950, с. 406–407]). Это, в свою очередь, позволило исследователям предполагать, что нелюдимый Домициан смотрел гонки на колесницах из закрытой ложи [Humphrey, 1986, p. 78–83; Roche, 2011, p. 57–58]. В этом случае мы могли бы предполагать, что к одиночеству император тяготел даже в атмосфере наивысшей концентрации городского населения, т.е. во время зрелищ.

---

¹ Светоний родился около 70 г.; в 120-е годы он работал в императорском секретариате [Альбрехт, 2003–2005, т. 3, с. 1519–1520]. Соответственно, на годы правления Домициана пришлось его юность, а описывал он его примерно спустя 20 лет после свержения.

Любопытное преломление мотива одиночного образа жизни мы встречаем в позднеантичном жизнеописании императора Максимиана (правил в 235–238 гг.). Сама фигура этого правителя – знаковая для римской истории, так как он был первым императором, поднявшимся до вершин власти из простых солдат [Грант, 1998, с. 163–166]. Военная карьера была одним из социальных лифтов, с помощью которых жители провинций могли войти в элиту римского общества. Особенно это актуально для III в., когда государство погрузилось в хаос, а приобретающая политическую субъектность армия стала выдвигать своих претендентов на императорский титул [Крист, 1997, т. 2, с. 302–344]. Авторы, в основном представлявшие интересы сенаторской аристократии, настроены к Максимиану резко отрицательно, и потому стараются усилить мрачность его и без того сурового правления [Грант, 1998, с. 164–166]. Важной темой нарратива о Максимиане являются спекуляции о его «варварском» происхождении. Биограф представляет его сыном гота и женщины сарматского происхождения (NA Maxim. duo 1.5–7; [Властелины Рима, 1992, с. 182]). Готы и сарматы – традиционные противники Поздней Римской империи, так что происхождение императора было дополнительным раздражителем для античного читателя. Желая усилить отвращение римского читателя к августейшему «варвару», биограф представляет императора стыдящимся своего варварства. Этот стыд, однако, побуждает его к еще более «варварской» жестокости: «Для того чтобы скрыть незнатность своего происхождения, он уничтожил всех, кто знал о его роде, даже некоторых друзей <...>. И, относясь с подозрением ко всем его друзьям и слугам, он становился все более и более жестоким» (NA Maxim. duo 9.1–7; [Властелины Рима, 1992, с. 186]). Как и у Тиберия и Домициана, в изложении Светония одиночество для Максимиана – комфортное состояние, однако стремление к нему обусловлено у этого императора не только страхом утраты власти, но и чувством отвращения к себе по причине «варварского» происхождения. Напоминанием о нем являются люди, знавшие его, потому Максимиан их планомерно истребляет, делая выбор в пользу все большего брутализма и опоры на армию. Автор, любитель сильных эффектов, продолжает рисовать эту картину создания кровавого вакуума вокруг императора: «Хотя нравы его были таковы, что он жил по образу диких зверей, но он стал еще более суровым и лютым после направленной против него интриги некоего консуляра Магна, который вошел в соглашение со многими воинами и центурионами с целью убить его, желая сам получить им-

ператорскую власть...» (НА Maxim. duo 10.1; [Властелины Рима, 1992, с. 186]). Здесь одиночество Максимиана становится полным, так как в заговоре участвует армия – главная опора его правления. Красноречиво упоминание о «диких зверях»: автор не только уподобляет тирана жестокому хищнику (сравнение вполне хрестоматийное), но и противопоставляет императора человеческому обществу, доводя его одиночество до абсолютной степени.

Одиночество за столом

Трапеза – важная часть римского ежедневного распорядка: кроме двух утренних, достаточно легких перекусов, во второй половине дня проводился долгий прием пищи, представлявший нечто среднее между обедом и ужином. Эта трапеза собирала за столом все семейство и могла быть хорошим поводом для застолья, на которое можно было позвать в качестве гостей друзей или нужных людей [Винничук, 1988, с. 262; Кнабе, 1994, с. 299–322; Сергеев, 2000, с. 121–131]. В праздничные дни эта трапеза превращалась в торжественное застолье. Для императоров такие пиры были хорошим способом проиллюстрировать стиль своего правления [Миролюбов, 2024b]. Особое значение придавалось подбору гостей. Так, император Август отдавал предпочтение потомственным римским гражданам перед вольноотпущенниками¹, чем наглядно иллюстрировал свою политику заботы о римском народе. Изображая пиры «плохих» императоров, древние авторы обычно представляют их в компании сотоварищей по развлечениям – как правило, непристойным. Встречаем мы и примеры трапезы в одиночестве, причем такие примеры всегда иллюстрируют тиранический характер императора. Император Домициан, как пишет Светоний, «за дневным завтраком наелся так, что за обедом ничего не брал в рот, кроме матианского яблока и вина из бутылочки» (Suet. Tib. 21; [Гай Светоний Транквилл, 1990, с. 222]). Как и замечание про прогулки императора, это известие нуждается в коммен-

---

¹ Вольноотпущенники – бывшие рабы; получив волю, они не становились, однако, полноправными римскими гражданами. Об их статусе: [Покровский, 1998, с. 292–293]. Гражданские войны, предшествовавшие переходу Римского государства к эпохе империи, сильно ударили по римским гражданам; исчезло и большое количество знатных родов. Император Август в рамках своей социальной политики старался поддержать семьи потомственных римских граждан, отдавая им предпочтение перед лицами, получившими гражданство, и вольноотпущенниками. О социальной политике императора: [Машкин, 1949, с. 427–457].

тарии Плиния Младшего: «Никогда ты (т.е. император Траян, противопоставляемый Домициану. – *И. М.*) не поступаешь так, чтобы, задержавшись до полудня на одинокой своей трапезе, быть потом стеснительным наблюдателем и контролером своих гостей, чтобы перед голодными и воздержанными в пище самому быть наевшимся и рыгающим от переполнения желудка, чтобы не столько предлагать, сколько бросать гостям пищу, до которой ты сам не дотронулся бы, чтобы, с трудом выдержав это оскорбительное посмешище над общим пиршеством, потом снова удалиться к уединенному насыщению всякими лакомствами в закрытой ото всех роскошной обстановке» (Plin. Min. Paneg. 49; [Плиний Младший, 1950, с. 404]). Здесь, с помощью мотива одиночества, автор критикует не только пристрастие императора к постыдной роскоши своего персонального стола, но и подчеркивает его стремление, через пренебрежение общей трапезой, поставить себя выше всех. Такое поведение за столом было социально осуждаемым явлением; ярким примером такой критики является известное стихотворение поэта Марка Валерия Марциала: «Если обедом меня, не подачкой, как прежде, прельщаешь – что ж не такой же обед мне подадут, как тебе? <...> Что ж это? Вместе с тобой без тебя я обедаю, Понтик? Вместо подачки – обед? Пусть! Но такой же как твой» (Epigramm. III.60; перевод Ф.А. Петровского по изданию: [Марк Валерий Марциал, 1994, с. 92]). В ситуации с Домицианом этот отказ хозяина дома от трапезы вместе со своими гостями усиливается его императорским статусом и становится символом тиранического правления.

Другим тираном, обедающим в одиночестве, представлен император Каракалла (правил в 211–217 гг.). Историк Кассий Дион, лично знавший императора, упоминает льва, «с которым [Каракалла] делил пищу и застольное ложе» (Cass. Dio, Hist. Rom. LXXIX.7.2; перевод К.В. Маркова по изданию: [Кассий Дион Коккеян, 2011, с. 311]). Хищный зверь возле фигуры тирана у античных авторов всегда иллюстрирует их кровожадность, собственно, подтверждая репутацию тирана [Миролюбов, 2024а, с. 90–97]. Тиран сам представлен хищником, который противопоставляется нормальному человеческому обществу. Тем более это касается Каракаллы, который заклеен древними авторами как сын, составивший против отца, как убийца брата, жены и многих видных римлян [Грант, 1998, с. 143–147]. Уничтоживший всех близких, Каракалла в изображении Кассия Диона вынужден довольствоваться обществом льва в качестве сотрапезника, но и тот в конеч-

ном итоге изменяет ему: «...[лев] вцепился в него, когда он вышел, и даже разодрал на нем одежду» (Cass. Dio, Hist. Rom. LXXIX.7.2; [Кассий Дион Коккейан, 2011, с. 311]). Красочная сцена помещена автором в число предзнаменований смерти императора в результате заговора. Одиночество тирана, таким образом, показано абсолютным: от него отвернулся даже хищник, который заменял ему человеческое общество в повседневной жизни.

Одиночество как страдание

Приведенные выше примеры показывают императоров, создающих вокруг себя атмосферу комфортного одиночества, привычного состояния тирана. Однако высокий уровень социальности, характерный для римлян¹, заставлял их воспринимать одиночество как скорее ненормальную атмосферу для человека. Это, в свою очередь, позволяло рассматривать одиночество в качестве мучительного состояния.

Одним из наиболее одиозных тиранов в истории Римской империи был император Нерон (правил в 54–68 гг.). Событийная канва его правления вполне укладывалась в лекала тирании в том виде, в каком она описана у Платона: уничтожив мать, всех жен, наставника, он в конечном итоге оказался в окружении корыстных наймитов [Егоров, 1985, с. 181–182; Грант, 1998, с. 49–56]. У историка Тацита мы находим выразительное описание психологического состояния императора после убийства матери: «Нерон медлит, объезжая один за другим города Кампании, озабоченный тем, как его встретят при въезде в Рим, найдет ли он в нем покорный его воле сенат, благосклонность простого народа; чтобы рассеять его колебания, некогда из его окружения, которыми его двор изобиловал как никакой другой, настойчиво внушают ему <...>: пусть же он смело пустится в путь и убедится воочию, каким почитанием его окружают; одновременно они добиваются позволения отправиться в Рим несколько ранее его отъезда туда...» (Тас.

---

¹ Подразумеваем здесь свойственный античным обществам коллективизм; о нем – в обзорной работе: [Коптев, 1997, с. 11–30]. У римлян он был тем более крепок в силу того, что само существование римского гражданина мыслилось в рамках общественной деятельности и государственной карьеры. В эпоху империи, под влиянием политических кризисов и философских учений, мы можем наблюдать примеры философского уединения с целью самоанализа, однако это не отменяло тяги римлянина к взаимодействию с обществом – только в нем он может реализовать себя: [Кнабе, 1994, с. 121–123].

Ann. XIX.13.1–2; перевод А.С. Бобовича по изданию: [Корнелий Тацит, 1969, т. 1, с. 258]). Тема одиночества здесь присутствует в виде подтекста: император через матереубийство отшатнул от себя римское общество, однако это одиночество гнетет его, ему остро нужно социальное одобрение его деяния; и льстивые приближенные, пребывающие возле него из корыстных побуждений, берутся ему это одобрение обеспечить. Последние годы Нерон уделяет больше времени своим сценическим способностям и часто выступает перед публикой. Вот как описывает реакцию публики Светоний: «Когда он пел, никому не позволялось выходить из театра, даже по необходимости. Поэтому, говорят, некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах более его слушать и хвалить, перебирались через стены, так как ворота были закрыты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках» (Suet. 23.2; [Гай Светоний Транквилл, 1990, с. 159]. За ироничным описанием реакции публики скрыта та же тема невыносимого одиночества, которое Нерон пытается преодолеть через ограничение свободы людей, желающих в буквальном смысле бежать от него. Невыносимость одиночества для Нерона Светоний декларирует прямо: «Выступал он в Неаполе часто и пел по нескольку дней. Потом дал себе короткий отдых для восстановления голоса, но и тут **не выдержал одиночества**, из бани явился в театр...» (Suet. 20.2; [Гай Светоний Транквилл, 1990, с. 158]). В 68 г. против власти Нерона было поднято восстание, которое вскоре лишило его власти. Лишившись власти, Нерон утратил возможность удерживать людей при себе и оказался в атмосфере полного одиночества. Это его состояние выразительно описано опять же у Светония: «...среди ночи, проснувшись, он увидел, что телохранители покинули его. <...> он послал за друзьями, и ни от кого не получив ответа, сам пошел к их покоям. Все двери были заперты, никто не отвечал; он вернулся в спальню – оттуда уже разбежались и слуги <...>. Он бросился искать гладиатора Спикула или любого другого опытного убийцу, чтобы от его руки принять смерть, – но никого не нашел. “Неужели нет у меня ни друга, ни недруга?” – воскликнул он...» (Suet. 47.3; [Гай Светоний Транквилл, 1990, с. 171]).

Тема невыносимого одиночества тирана в смерти прослеживается и в нарративе об императоре Адриане. В римской исторической памяти этот император имел неоднозначную репутацию, причиной чего были казни ряда крупных политических деятелей в начале и в конце правления [Грант, 1998, с. 95–103]. Причины репрессий, осуществленных в последние месяцы правления, лежали

в политической плоскости: император, не имея родственника, который мог бы быть очевидным преемником, выстроил сложную линию династическую преемства путем усыновлений [Крист, 1997, т. 1, с. 433–434]. Естественно, что решения императора встретили критику в среде элиты, интересы которой представляли писавшие об Адриане авторы. С известными тиранами его сближала и привычка к уединению, выражавшаяся в обособленном проживании вне Рима, на вилле близ города Тибура [Кнабе, 1994, с. 121]. Кассий Дион, подчеркивая чувство ненависти, которым был окружен Адриан в последние дни, сообщает о его одиночестве и тяжелой болезни. Атмосфера невыносимых мучений императора передана через весьма экспрессивную сцену: «Поскольку ему все время становилось хуже и он, можно сказать, каждый день умирал, то он стал страстно желать смерти и не раз просил [дать ему] яд или меч, но **никто** ему не давал. И так как **никто не брался исполнить его приказы**, несмотря на обещание денег и освобождение от наказания, он послал за Мастером, варваром-язигом <...>. Когда же и этот его замысел не удался из-за того, что Мастер, испугавшись [предстоящего] дела, в ужасе выбежал вон, Адриан горько сетовал на свою болезнь и беспомощность» (Cass. Dio, Hist. Rom. LXIX.22.1–3; перевод А.В. Махлаюка по изданию [Кассий Дион Коккейан, 2011, с. 146]). Через обращение императора к варвару-рабу автор дополнительно подчеркивает одиночество Адриана в рамках римского социума.

Тема мучительного одиночества императора-тирана оказывается востребована и христианским апологетом Лактанцием. Его перу принадлежит трактат «О смертях гонителей», в котором дана выразительная картина политического кризиса в Римской империи начала IV в. Один из главных героев произведения – император Диоклетиан (правил в 284–305 гг.). Будучи христианином, Лактанций воспринимает Диоклетиана, преследовавшего христиан, негативно, однако не ограничивается критикой только его религиозной политики, но и стремится представить все его начинания и реформы как пагубные для государства [Миролюбов, 2019]. Правление его он прямо называет тираническим, чему приводит немало примеров. При Диоклетиане была осуществлена реформа самого института императорской власти: вместо фигуры одного императора государством управлял коллектив соправителей, каждый из которых контролировал свою группу провинций. Система эта работала, пока Диоклетиан был у власти, но с его уходом из политики в 305 г. по состоянию здоровья созданная им система рухнула, и

вчерашние соправители превратились в противников в борьбе за единоличную власть [Крист, 1997, т. 2, с. 372–408]. Лактанций сосредоточивает внимание на том, что пожилой и истощенный морально и физически император оказывается в атмосфере гнетущего его одиночества. Он разлучен с дочерью, которая попала в руки одного из новых императоров – Максимиана: «...тот (Диоклетиан. – *И. М.*) отправляет легатов (послов. – *И. М.*) и просит, чтобы Максимиан отпустил к нему дочь. Ничего не добивается. Вновь посылает и еще шесть раз настойчиво просит. Валерия (дочь императора. – *И. М.*) не возвращается» (Lact. De mort. pers. 51.2; перевод В.М. Тюленева по изданию: [Лактанций, 1998, с. 226–227]). Игнорирование его со стороны нового поколения правителей таково, что Диоклетиан наблюдает за уничтожением своих изображений. Лактанций обозначает образовавшийся вокруг Диоклетиана вакуум, доведший его до смерти: «...император <...>, подавленный несправедливостями и доведенный до неприятия жизни, в конце концов был низведен голодом и терзанием сердца» (Lact. De mort. pers. 52.3; [Лактанций, 1998, с. 228]). Одиночество Диоклетиана представляется Лактанцию поучительным примером: оно иллюстрирует крах созданной им системы «коллективной» императорской власти и личный крах самого императора, проявившего себя и как тиран (своим стилем правления), и как гонитель (своей религиозной политикой).

***

Подведем итоги. Одиночество – неявный мотив в описании типичного тирана (по сравнению, например, с жестокостью и подозрительностью), но тем не менее важный, так как типичные качества тирана в любом случае приводят его к одиночному существованию. Мотив этот обладает гибкостью, так как позволяет авторам прорабатывать его в разных контекстах. Вплетение его в нарратив – почти всегда сложная и интересная литературная игра. Это, например, сравнение императоров-тиранов со зверями (Тиберий / змея; Каракалла / лев) и мифическими героями (Калигула / Агамемнон). Незначительные детали, фиксирующие тягу императора к одиночеству в повседневности, превращаются в отражение их стиля правления (Констанций – не допускающий спутников в свой экипаж и одинокий на вершине власти). Одиночество может избавлять императора-тирана (например, Максимиана) от мрачных мыслей и, напротив, пробуждать угрызения совести (сюжет из жизнеописания Нерона). Мотив одиночества позволяет также

обыгрывать обособленность тирана от социума, наивысшая степень которой – отнюдь не вершина власти, а гибель, уход из мира людей (в одиночестве заканчивают свою жизнь Нерон, Адриан и Диоклетиан). Еще раз повторимся, что объем дошедших до нас прозаических текстов интересующего нас жанрового направления – т.е. императорских биографий – велик, так что изучение контекстов, в которых биографы императоров используют мотив одиночества, представляется перспективной темой для дальнейших исследований.

Список литературы

1. *Альбрехт М. фон.* История римской литературы : в 3 т. / пер. с нем. А.И. Любжина. – Москва : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2003–2005.
2. *Аммиан Марцеллин.* Римская история / пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. – Москва : АСТ : Ладомир, 2005. – 631 с.
3. *Бокщанин А.Г.* Источниковедение Древнего Рима. – Москва : Издательство МГУ, 1981. – 159 с.
4. *Берве Г.* Тираны Греции. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. – 640 с.
5. Властелины Рима : биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / пер. с лат. С.Н. Кондратьева ; под ред. А.И. Доватура. – Москва : Наука, 1992. – 383 с.
6. *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / пер. с польск. В.К. Ронина. – Москва : Высшая школа, 1988. – 495 с.
7. *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей / пер. с лат. М.Л. Гаспарова. – Москва : Художественная литература, 1990. – 254 с.
8. *Грант М.* Римские императоры : биографический справочник правителей Римской империи, 31 г. до н. э. – 476 г. н. э. / пер. с англ. М. Гитт. – Москва : Терра – Книжный клуб, 1998. – 398 с.
9. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / пер. с англ. К. Лукьяненко. – Москва : Иностранка, 2014. – 830 с.
10. *Егоров А.Б.* Рим на грани эпох. – Ленинград : Издательство ЛГУ, 1985. – 223 с.
11. *Казаков М.М.* Христианизация Римской империи в IV веке. – Смоленск : Универсум, 2002. – 464 с.
12. *Кассий Дион Коккейан.* Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ : Нестор-История, 2011. – 456 с.
13. *Кнабе Г.С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – Москва : Индрик, 1994. – 528 с.
14. *Коптев А.В.* Античное гражданское общество // Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации. – Вологда : Русь, 1997. – С. 11–30.
15. *Корнелий Тацит.* Сочинения : в 2 т. – Ленинград : Наука, 1969.

16. *Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина : в 2 т. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1997.
17. *Лактанций.* О смертях преследователей / пер. с лат. В.М. Тюленева. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 279 с.
18. *Лосев А.Ф.* Гомер. – Москва : Молодая гвардия, 2006. – 398 с.
19. *Макаров С.Ю.* Исторические пьесы : в 2 т. – Москва : ООО «Информ-право», 2022.
20. *Марк Валерий Марциал.* Эпиграммы / пер. с лат. Ф.А. Петровского. – Санкт-Петербург : АО «Комплект», 1994. – 446 с.
21. *Машкин Н.А.* Принципат Августа: происхождение и социальная сущность. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1949. – 687 с.
22. *Миролюбов И.А.* Тетрархия Диоклетиана в трактате Лактанция De mortibus persecutorum: опыт критической оценки // Память и идентичность: особенности историописания в Античности, в Средние века и раннее Новое время : сборник статей. – Москва : РГГУ, 2019. – С. 77–86.
23. *Миролюбов И.А.* Вариации образа прирученного льва в античной литературе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2024а. – № 2. – С. 86–100.
24. *Миролюбов И.А.* Застольные привычки римских императоров как отражение их правления (к постановке вопроса) // История повседневности в российской гуманитаристике – взгляд из 2024 г. – Москва : Канцлер, 2024б. – С. 300–307.
25. *Миролюбов И.А.* Император и город: Рим в правление династии Константина Великого // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. – Санкт-Петербург : ООО «Издательство РХГА», 2024 с. – С. 328–343.
26. *Моммзен Т.* История римских императоров / пер. с нем. Т.А. Орестовой. – Санкт-Петербург : Ювента, 2002. – 628 с.
27. *Платон.* Собрание сочинений : в 4 т. – Москва : Мысль, 1990–1994.
28. *Плиний Младший.* Письма Плиния Младшего / пер. с лат. М.Е. Сергеенко и др. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1950. – 579 с.
29. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания : в 3 т. – Москва : Издательство АН СССР, 1964а.
30. *Плутарх.* К непросвещенному властителю / пер. с др.-греч. С.А. Аверинцева // Памятники поздней античной научно-художественной прозы II – V века. – Москва : Наука, 1964б. – С. 69–73.
31. *Плутарх.* Застольные беседы. – Ленинград : Наука, 1990. – 592 с.
32. *Покровский И.А.* История римского права. – Санкт-Петербург : Летний сад, 1998. – 555 с.
33. *Сергеенко М.Е.* Жизнь в Древнем Риме. – Санкт-Петербург : Летний сад : Журнал «Нева», 2000. – 368 с.
34. *Тронский И.М.* История античной литературы. – Москва : Высшая школа, 1988. – 463 с.
35. *Фролов Э.Д.* Греческие тираны (IV в. до н. э.). – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1972. – 200 с.
36. *Фролов Э.Д.* Греция в эпоху поздней классики: общество, личность, власть. – Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2001. – 602 с.

37. *Burgess R.W.* The summer of blood: the “Great massacre” of 337 and the promotion of the sons of Constantine // *Dumbarton Oaks papers*. – 2008. – Vol. 62. – P. 5–51.
38. *Crook J.A.* *Consilium Principis: Imperial councils and counsellors from Augustus to Diocletian*. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1955. – 198 p.
39. *Frass M.* Alleinherrscher – Herrscher allein? Das Tiberiusbild in der Kaiserbiographie Suetons // *Being alone in Antiquity: Greco-Roman ideas and experiences of misanthropy, isolation and solitude*. – Berlin ; Boston : De Gryter, 2022. – P. 265–286.
40. *Humphrey J.H.* *Roman circuses arenas for chariot racing*. – Berkley ; Los Angeles : Univ. of California press, 1986. – 703 p.
41. *Levick B.* *Tiberius the politician*. – London ; New York : Routledge, 1999. – 336 p.
42. *Roche P.* *Pliny’s praise: The panegyricus in the Roman world*. – New York : Cambridge univ. press, 2011. – 220 p.
43. *Sabbah G.* *Ammianus Marcellinus // Greek and Roman historiography in Late Antiquity, fourth to sixth century A.D.* / ed. by G. Marasco. – Leiden ; Boston : Brill, 2003. – P. 43–84.
44. *Wallace-Hadrill A.* The emperor and his virtues // *Historia : Zeitschrift für Alte Geschichte*. – 1981. – Vol. 30, N 3. – P. 298–323.